

Остался я без работы.

Жена, две дочки малые.

С утра вскакиваю ни свет ни заря и бегом из дома, поскорее, пока все спят.

Толкаюсь по городу, звоню, встречаюсь, какие-то собеседования, интервью. Всё мимо, а долги растут.

Хлопотное дело – безделье и неопределенность.

Тут приглашает нас в субботу на дачу одноклассница жены.

Приехали. Выпиваем, закусываем. Что-то рассказываем друг дружке. Я вроде бы тут, а меня и нет: мысли в поисках работы.

Природа великолепная, красивая осень, а я не вижу ничего хорошего впереди.

В разгар «веселья» подъехал брат хозяйки.

Рубиновый металлик, салон красной кожей отделан. Всё в тон.

Вышел хозяин авто. Небольшого росточка.

На него переключились: и всех-то он знает, все у него путем, такой он удачливый, богатый и успешный.

По всем повадкам видно: избыточный «комплекс Наполеона».

Не понравился он мне.

Выпили еще, шашлычком закусили, анекдоты потравили. Он тоже со всеми принял не одну рюмку: мол, у него и в милиции все схвачено, можно оттянуться как следует.

Выбрал я момент, попросил у него четыре тысячи зелени.

Можете представить, до какой стадии я докатился от безнадёги!

До дома подбросил нас с женой на своем сверкающем «американце».

Головы не видно из-за руля, едва ноги до педалей достают.

Ну да ладно!

Договорились встретиться в понедельник.

Перед сном говорю жене: «Какой-то он... Все вроде есть, а неприятный».

– «Прыщик!» – засмеялась жена. – Мы его так в школе дразнили. На два года младше учился. Все за нами бегал, юбки задираТЬ пытался. Ужасно вредный.

Выбирать особенно не приходилось.

Долго он меня расспрашивал, дотошно. Думал я, что не выгорит дело, но дал он мне денег.

Расписку написал, обязался выплачивать проценты. Число и подпись.

Не ахти какой бизнес наметил я, да и деньги не миллионы, разобраться, не самые великие, но все лучше, чем ничего.

Приехал в Псков в воскресенье, чтобы с утра в понедельник сделкой заняться.

Встретил меня местный предприниматель. Оказалось, что он еще и староста храма Николая Чудотворца в Любятово, недалеко от Пскова.

Устроился в гостинице и предложил он поехать на воскресную службу.

Людей мало. Я свечу затеплил, поставил перед иконой. Хорошо, тихо, и спешить некуда в выходной день.

Подошел к батюшке, ладошки ему протянул лодочкой – благословите.

Благословил, расцеловались.

– Я вижу, вы приезжий? Хотите к чуду прикоснуться? – батюшка спрашивает.

– В гостинице остановился, а чудо мне сейчас позарез необходимо! – пытаюсь отшутиться.

– Тогда следуйте за мной.

Провел он меня в колоколенку.

– Вот здесь постойте, молитву сотворите.

Доска на пороге, проход узкий, икона.

Встал я на доску, призадумался. Перекрестился. Вышел в душевном благополучии.

– Был когда-то здесь монастырь, и во вторую неделю великого поста молился на этом месте Иван Грозный в 1570 году. Переночевал, а на другой день в Псков отбыл и далее в Новгород Великий, – встретил меня настоятель отец Владимир.

Приободрился я, настроение хорошее.

Дело было в Пскове несложное: артель инвалидов продавала тканевые бэушные мешки третьей категории. Это значит, в каждом не более пяти мелких дыр. Они такие мешки собирали, заплатки пришивали и продавали недорого.

Купил «товара» целую фуру, оплатил наличкой.

В Молдавию повез, на сахарный завод, а они мне фуру зеленого горошка отгрузили со склада, тоже с кем-то бартер сладили. Многие тогда так зарабатывали.

Горошек с колес раскупили влет! Ничего же не было.

Хоть и деньги обернулись не сразу, но получилось удачно, с прибылью.

Потом еще и еще, и пошло-поехало.

Такое время: не ленись, наклонись за копейкой.

Регулярно оплачиваю процент Игорю, так его звали. Он доволен, и мне легче жить стало.

Кручусь, учет веду. Сделки проходили удачно, пока однажды не случилась беда.

В Смоленске накануне перестройки местная фабрика наладила выпуск макарон по итальянской технологии. Решил туда сгонять, пока Молдавия отгрузит майонез в баночках.

Теперь-то ясно – зря, потому что «одной рукой за два места не берутся», а тогда поскорее хотелось из долгов вылезти.

Договорился с машиной. Купил восемь тонн: груз объемный, но не тяжелый.

С фабрики на городскую таможню опоздал и решил я заплатить все, что полагается, прямо на границе.

Выехали на трассу, вдруг старички, семейная пара на синей «копейке», обгоняют, руками машут.

Остановились.

Авария! Подшипник лопнул, и от трения загорелось заднее колесо. Шина прогорела, воздух из колеса вон, да как бабахнет!

Кое-как загасили.

Пока водитель носился с ведром за водой в кювет и обратно, а мы ему помогали, ночь наступила.

Водитель «копейки» оказался добрым человеком, помог новое колесо найти у местных.

Чумазые, гарью пропахли. Кое-как привели себя в порядок. Наконец тронулись.

Подъезжаем, два вагончика в чистом поле. Окна светятся. На одном табличка «Таможня», в другом какие-то военные.

Тишина.

Хорошо, очереди нет, сейчас все оформим, переспим и с утра пораньше двинемся в путь.

Захожу в тот, где табличка. Столы, стулья, компьютер, как самовар, шумит.

Четверо в форме подремывают.

Представился. Говорю, мол, хочу заплатить пошлину, все, что требуется для вывоза в Прибалтику макарон местной фабрики. Вот документы, инвойс на товар, подскажите, как это лучше сделать.

Они отвечают, что не имеют права принимать наличные деньги, это все в Смоленске надо было оформить, а им только документы предъявить.

В таком случае, говорю, вернемся в Смоленск, готовы за конвой и сопровождение заплатить, раз нельзя и такие правила. Отдохнем немного и поедем.

Разговаривайте с начальником, он сейчас на территории.

На улицу, а там маски-шоу. Начальник ко мне.

– И вы, и груз арестованы по подозрению в контрабанде!

Я им говорю: какие же мы контрабандисты?! Мы же сами приехали к вам, не прятались, тайными тропами не пробирались, рассказал, кто мы и зачем, а едем в Прибалтику. И деньги есть, скажите, кому заплатить.

– Знаем мы вас! – говорит строго начальник. – Коварные приба-а-алты, все у нас растащили: и ракеты, и продукты – ничего не осталось!

– Вы посмотрите на меня, какой я прибалт?!

– Знаем-знаем! Не прикидывайся! По полной заплатишь!

Врагом меня выставил.

Под конвоем на склад, заставили выгружаться, на штрафстоянку фуру поставили.

И закрутилось-завертелось дело из ничего.

В таких местах права качать – себе дороже!

Пришлось потом дважды в Смоленск мотаться, пару дней в гостинице пожить, найти другого перевозчика.

Загасил это дело, сил много потратил и денег.

С Молдавией затянулось, как назло.

А тут уже с Прыщом встречаться время пришло.

Подъехал он, вышел я к нему. В салоне приторный запах ванили, диджей беснуется по радио.

Показал свои записи. Получилось, что на тот момент вернул я ему семь тысяч триста зелени.

Все, говорю, встало дело и дальше не идет, а копить проценты не могу, сделок нет и не предвидится. Давай разойдемся по-людски, без скандалов. Не в убытке же: я тебе денег с хорошим плюсом вернул.

Начал он кричать, что это «твои проблемы», требовать, чтобы к этим деньгам основное «тело» кредита вернул – четыре тысячи баксов, «а если денег нет, квартиру заложил!»

Я наотрез отказался!

Тогда он пригрозил «крышей», мол, сильно пожалеешь.

Не удалось договориться. Вернулся домой злой, растерянный.

Поздно уже было, не спится, а тут звонок. Люди какие-то от него, «стрелку забили» срочно.

На другой день встретились в кафе, в центре. Странные кафе из нескольких избушек. Их теперь много развелось. Такая восточная мода возникла на мелкие сарайчики.

Присели мы в одном.

Три братка.

Я напротив них.

– Знаешь, что бывает с теми, кто слово не держит? – начинает, похоже, главный, двое ему поддакивают. – В тюрьме сидеть недешево, ребятишки на нарах парятся, «подогрев» ждут, несладко им там, а ты ведешь себя как мелкий фраер?

Выслушал. Показал расчеты.

Страху не было, потому что ничего не украл, но вот так сложилось, что тут комментировать.

Переглянулись решалы. Пообещали перетереть с кем надо и цинкануть, то есть перезвонить.

Запахло жареным. Думаю, что-то надо делать, подготовиться к неравной схватке с темными силами, потому что не так просто складывается.

Семью вывез к дальней родне, в деревню.

Переговорил с одним, другим. Волнуюсь: когда они объявятся? А я еще не готов, но стараюсь аккуратно, не пылю.

Вышел на нужных людей.

Короче, прикупил пистолет Макарова со спиленными номерами и пяток патронов к нему.

Всё чин чином.

Предохранитель проверил. За ремень пистолет сунул, свитером прикрыл. Худой был тогда, одежда на мне сидела «по кості», незаметно пистолета.

После сорока шести сильно поправился.

Почему «Макаров»? Могу пистолет на время собрать-разобрать с закрытыми глазами.

В срочную службу положен мне был по штату: кроме автомата со складным прикладом еще и пистолет, потому что места мало в танке, а уж я-то, механик-водитель, вообще как в утробе. Особенно в валенках, зимнем комбинезоне и меховом шлемофоне.

Разбежались после кафе. Выхожу на остановку. Поздно. Никого.

Жду автобус. Подходят два милиционера молоденьких. Фуражки большие, форма великовата, шеи цыплячьи, уши торчат.

Первая мысль: может, меня сдали? Тот, с которым только что в кафе сидел, боеприпасы подогнал и, чтобы самому соскочить, а ментам висяк закрыть? Кто же скажет? Кому можно доверять?

Усложнилась обстановка.

Они стоят в сторонке.

Напрягся, но вида не подаю. Прикидываю, как и куда рвануть, если документы потребуют.

Может, я зря запаниковал?

На часы глянул, по сторонам огляделся тихонько. Никого не наблюдаю вокруг. В смысле – засады, спецназа. Чуток успокоился.

Автобус подъехал. Пустой. Я один, как волосок на лысине, и пистолет за поясом.

И они.

Нет, не резон мне заходить в автобус, потому что бежать будет некуда в случае проверки, а стрелять в них равносильно самоубийству.

Да я бы и не стал в них стрелять!

Снова на часы глянул, сделал вид, что кого-то встречал, да не встретил.

Автобус тот в расписании последний был: вздохнул компрессором, двери закрылись.

Уехал.

Еще раз на часы глянул. И двинул пешком. Они тоже топают сзади. На небольшом расстоянии.

Прошли остановку, я к мосту направился, дом мой как раз на той стороне реки.

Мысли лихорадочные в голове.

Иду по мосту, руки в карманы куртки засунул глубоко, пистолет чувствую за поясом, «беременный бедою».

Они сзади.

Город засыпает.

«А ну как на той стороне меня уже ждут? Зря на мост пошел, сам себя в капкан загнал».

Запаниковал.

Улучил момент между фонарями, где немного темнее. Почти на самой горбушке моста. Куртку расстегнул незаметно, без резких движений. Пистолет вытянул, к груди прижал.

Потом наклонился, сгруппировался. Опустил ствол из потной ладони. Аккуратно, стараясь не задеть ограждения, но натурально взмок.

Выпрямился, руками за перила схватился, глянул вниз, а там «бултых» и круги по воде.

Блеснул ствол коротко. И концы в воду.

Тяжесть неподъемная свалилась в реку, хотя весит «Макаров» примерно восемьсот граммов и ствол неполных десять сантиметров в длину.

Произошло все быстро, а показалось вечностью.

Думаю: хорошо, что не зима, льда на речке нет.

Они остановились, тоже смотрят вниз.

– Слышал? Вон как рыба играет, крупная, – говорит один другому, – должно быть, щука кормится, гоняет рыбешек. Я это знаю точно, с ночевкой не раз рыбачил в детстве на Урале-реке.

Идут пареньки, разговаривают тихонько. Сопровождают.

Только теперь-то вещдока нет!

Успокоился.

Шагаю, а кажется, вприсядку танцую от радости.

До дома сопроводили.

Свет на лестничной клетке загорелся автоматически. С улицы в окно их вижу. И они – меня, как я квартиру ключом открываю.

Посмотрели мы друг на друга, постояли милиционеры немного и ушли.

Что это было?

В каком месте ответы спрятаны?

Бежит вода, уносит плохие воспоминания, и кто же знает доподлинно?

Только братки не перезвонили, а Прыщик исчез.